

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430

EDN: VIFWKY

Научная статья / Research article

Обретение мнемонической субъектности: Донбасс в конфликтах исторической памяти

Д.В. Ефременко

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская
Федерация

✉ Efdv2015@mail.ru

Аннотация. Динамика мнемонических взаимодействий на территории Донбасса в позднесоветский период, после провозглашения независимости Украины и в период 2014–2025 гг. дает основания выделить несколько этапов содержательной трансформации политики памяти в регионе. После провозглашения независимости Украины интенсифицировались процессы формирования и консолидации региональной идентичности, во многом ставшие реакцией на подъем украинского этнонационализма. Еще до событий 2014 г. сформировались особый исторический нарратив, мнемоническая и символическая политики, в которых значимую роль играла память об исторических событиях советской эпохи, акцентирование связи с российским историко-культурным наследием. В условиях политического кризиса 2013–2014 гг. и после провозглашения независимости ДНР и ЛНР развернулись процессы дальнейшего сближения исторических нарративов народных республик и России. На примере г. Мариуполь показана динамика практик коммеморации и символической политики в условиях временного контроля города киевским режимом и после возвращения города в состав ДНР в 2022 г. Данные процессы могут быть интерпретированы как обретение мнемонической субъектности республиками Донбасса и их интеграция в смысловую и символическую систему политики памяти Российской Федерации.

Ключевые слова: политика памяти, Донбасс, ДНР, ЛНР, Мариуполь, Украина, исторические нарративы, этнонационализм, региональная идентичность, конфликты исторической памяти, мнемонические акторы, символическая политика, памятники

Благодарности. Статья отражает результаты исследования в рамках проекта Российского научного фонда № 25-18-00464, реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ефременко Д.В. Обретение мнемонической субъектности: Донбасс в конфликтах исторической памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 412–430. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430> EDN: VIFWKY

© Ефременко Д.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gaining Mnemonic Agency: Donbass in Conflicts of Historical Memory

Dmitry V. Efremenko

Institute of Scientific Information on Social Sciences, *Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

✉ Efdv2015@mail.ru

Abstract. The dynamics of mnemonic interactions in the Donbass region in the late Soviet period, after the declaration of Ukraine's independence, and in the period 2014–2025 provide grounds for identifying several stages of the substantive transformation of memory politics in the region. Since the beginning of independence of Ukraine, the processes of formation and consolidation of regional identity intensified, largely becoming a reaction to the rise of Ukrainian ethnonationalism. Even before the events of 2014, a specific historical narrative, mnemonic and symbolic policies were formed, in which the memory of historical events of the Soviet era played a significant role, emphasizing the connection with the Russian historical and cultural heritage. In the context of the political crisis of 2013–2014 and after the proclamation of independence of the DPR and LPR, processes of further convergence of the historical narratives of the people's republics and Russia unfolded. The example of Mariupol shows the dynamics of the practices of commemoration and symbolic policy under the temporary control of the city by the Kyiv regime and after the return of the city to the DPR in 2022. These processes can be interpreted as the acquisition of mnemonic agency by the Donbass republics and their integration into the semantic and symbolic system of the memory politics of the Russian Federation.

Keywords: memory politics, Donbass, DPR, LPR, Mariupol, Ukraine, historical narratives, ethnonationalism, regional identity, historical memory conflicts, mnemonic actors, symbolic politics, monuments

Acknowledgements. The article reflects the results of the research within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-18-00464, implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Efremenko, D.V. (2026). Gaining mnemonic agency: Donbass in conflicts of historical memory. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 412–430. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430> EDN: VIFWKY

Введение

В известном эссе «Имеет ли Украина историю?» Марк фон Хаген начинает свои рассуждения с политической версии ответа на поставленный вопрос: если Украина имеет будущее, она будет иметь историю [Hagen 1995 : 658]. Эта версия показалась фон Хагену тривиальной, он не считал нужным обстоятельно ее комментировать. Между тем сегодня, спустя тридцать лет после публикации эссе, такой или ему подобный ответ (например: если Украина не имеет будущего, то утратит и историю) очевидными не кажутся. Сформированный за эти три десятилетия конструкт, который очень обтекаемо можно назвать продуктом

работы с историческим прошлым, скорее всего, не исчезнет даже в случае прекращения украинской государственности. И это тоже серьезная политическая проблема, имеющая поколенческое и географическое измерения.

Верно предсказав направление формирования доминирующего исторического нарратива независимой Украины — «телеологический триумф эссенциалистской, изначально существовавшей украинской нации» [Hagen 1995 : 663], фон Хаген акцентировал внимание на специфических обстоятельствах развития исторических исследований на Западе после распада СССР, когда многие советологи / русисты попутно заявили о себе и как о специалистах по украинской истории (он сам был ярким выразителем этой тенденции). Сегодня в России мы можем сказать, что это был еще не худший вариант. Когда политические обстоятельства сформировали достаточный спрос на экспертное знание по Украине, вдруг обнаружилось, что украинистом может оказаться едва ли не любой российский представитель научного знания (даже не обязательно социально-гуманитарного). Можно вполне обоснованно заявить, что сейчас в России «проседает» любая страноведческая экспертиза, и даже не совсем понятны перспективы российской русистики. Однако провал экспертизы по Украине имел особенно высокую цену. Поэтому формирование действительно профессионального экспертного сообщества, сфокусированного на украинской проблематике (в особенности на ее региональном измерении вне зависимости от будущей государственной принадлежности тех или иных территорий), является одним из важнейших вопросов национальной безопасности России.

В настоящей статье в фокусе внимания будет Донбасс — территория Донецкой и Луганской народных республик в административных границах бывших Донецкой и Луганской областей УССР / Украины. Вопрос фон Хагена применительно к Донбассу сохраняет свою актуальность. По крайней мере, надо понять, была ли / есть ли у Донбасса, сделавшего выбор в пользу интеграции в состав России, украинская история помимо воспоминаний об административно-территориальной принадлежности к УССР / Украине. И что есть сам Донбасс, какая из его многочисленных репрезентаций («сердце России», «убежище для людей с непростой судьбой», «пространство негативной свободы», «резерват патронально-клиентельных отношений», фронтирная зона и т.д.) выдерживает испытание временем?

Очевидно, что интенсивная трансформация доминирующей региональной идентичности резонирует с идентичностью российской, но остается ли при этом связь с «чистой» украинской идентичностью (любопытно, что фон Хаген без обиняков называл такую идентичность химерой)? Несомненно, что речь в данном случае идет о разворачивающемся в историческом пространстве/времени взаимодействии нескольких (как минимум трех) групповых идентичностей. Такое взаимодействие можно рассматривать в различных теоретико-методологических ракурсах, но для валидности выводов требуется подход, лишенный исходной предвзятости и методологического лукавства, когда, например, одна из идентичностей рассматривается в оптике социального конструктивизма, а другая подается в сугубо эссенциалистском ключе. Можно,

в частности, принять за основу тезис о том, что Донбасс представляет собой воображаемое сообщество (в смысле Б. Андерсона), не претендующее на статус нации, но в котором доминирующими являются региональная специфика и особенности социокультурного опыта [Коржов 2006 : 41].

В данном контексте важно учитывать, что становление Донбасса как регионального воображаемого сообщества происходит во взаимодействии с другими воображаемыми сообществами, в числе которых Украина претендует на статус нации. Строго говоря, для становления Украины в этом качестве и сам Донбасс чрезвычайно важен, причем ведущие акторы национальной консолидации Украины пошли по пути дискриминации и полного отторжения донбасской идентичности. В результате Украина, украинская национальная идея еще занимают в идентичности жителей Донбасса значимое место, но это место уже не «своего», а «чужого», чья враждебность и категорическое нежелание взаимодействовать на основе взаимного уважения максимально ускорили процесс трансформации региональной идентичности Донбасса в определенном направлении.

Идентичность и политика памяти в Донбассе от перестройки до провозглашения народных республик

Если брать за точку отсчета даже не официальное провозглашение украинской независимости, а горбачевскую перестройку, то становится понятным, что существовало несколько траекторий эволюции доминирующей идентичности населения региона. В частности, особенностью участия горняков Донбасса в шахтерских забастовках 1989 г., ставших тяжелым потрясением для всей позднесоветской политической системы, было требование передачи шахт и предприятий в юрисдикцию Украинской ССР, а в дальнейшем — поддержка экономической самостоятельности и государственной независимости Украины. Стачечное движение Донбасса, оставаясь по преимуществу движением социальной направленности [Petro 2023 : 204], шло на сотрудничество с народным Рухом Украины, в том числе по вопросу о статусе украинского языка. Для шахтеров дистанцирование от союзного центра и поддержка требований независимости Украины были обусловлены расчетами на то, что Киев будет меньше эксплуатировать Донбасс, чем Москва [Kuromiya 1998].

Однако сотрудничество стачечного шахтерского движения и Руха не было продолжительным и устойчивым. Оно сошло на нет после того, как украинские националисты (та сравнительно умеренная их часть, которая была представлена Рухом) сочли достаточным использование шахтерского движения в своих политических интересах. Львовский историк Я. Грицак вполне откровенно пишет о мимолетности сближения рабочего и националистического движений:

«На короткое время Львов и Донецк сошлись политически. Основой сближения было общее желание выйти из-под диктата всесоюзного центра. Собственно, союз национального Львова и рабочего Донецка в значительной степени позволяет объяснить, почему после провала коммунистического

переворота в августе 1991 г. Украине удалось сравнительно легко обрести свою независимость и провозгласить выход из СССР. Этот союз, однако, базировался на прагматических интересах, а не на определенных ценностях. С исчезновением общего врага этот союз распался и вчерашние соратники превратились в ярых соперников» [Грицак 2007].

У шахтеров Донбасса появлялось все больше вопросов в отношении дальнейших намерений активистов движения за независимость Украины. Региональный оппонент националистов — интердвижение Донбасса, созданное в 1989 г. при поддержке властей Донецкой области, — после 1990 г. в основном действовало автономно и поначалу не располагало значительной поддержкой населения. Ситуация начала достаточно быстро меняться в 1992–1994 гг. Наместились важные изменения в настроениях жителей Донбасса, связанные как с нарастанием социально-экономических трудностей, многократно усиленных распадом СССР и дезинтеграцией единого советского хозяйственного комплекса, так и с усилением этнонационалистической риторики, одной из особенностей которой стало фактическое деление граждан Украины на два сорта в зависимости от языковых, культурных и политических предпочтений. Интердвижение заметно сблизилось с шахтерским движением и постепенно оказало трансформирующее влияние на его политическую программу. Уже в 1992 г. требования федерализации Украины и восстановления тесных экономических и политических связей с Россией стали доминирующими в программах большинства политических сил и общественных движений Донбасса. Эволюция региональной идентичности еще не означала в тот момент полного антагонизма с доминирующими установками независимой украинской государственности, однако она пошла в направлении осознания культурных, исторических и социально-экономических особенностей региона, существенно отличавших его от большинства других территорий в составе Украины.

Не менее важное значение имело укрепление позиций региональных элит и перехват их представителями контроля над промышленным потенциалом Донбасса, что обеспечило последним стратегические преимущества в масштабах всей Украины. В сущности, региональные элиты в немалой степени поощряли формирование особой идентичности Донбасса, рассчитывая, однако, использовать ее носителей как важный ресурс в конкуренции с элитами / олигархическими группами, опирающимися на другие регионы Украины, а также в отношениях с центральной властью в Киеве. Проблематика дальнейшей внутриэлитной борьбы очень важна для понимания сути конфликта, который недостаточно рассматривать только в оптике противостояния Киев — Луганск и Киев — Донецк, а также в контексте геополитических интересов Российской Федерации. Помимо верхних слоев региональной элиты, составивших костяк олигархических групп и партийных структур общеукраинского масштаба (Партия Регионов, КПУ), необходимо принимать во внимание активность представителей элиты среднего звена и различных общественных групп, проявлявших достаточно высокий уровень самостоятельности и оказывавших значительное влияние на культурное и политическое самоопределение жителей Донбасса.

Учет этого обстоятельства дает основания интерпретировать события 2014 г. в качестве гражданской войны «внутри Русского мира» [Arel, Driscoll 2023].

Несмотря на то, что региональные элиты и олигархические группы Донбасса были ориентированы на интеграцию в политико-экономический ландшафт Украины и — насколько возможно — реформативное изменение этого ландшафта под себя, их попытки манипулировать настроениями жителей региона в конечном счете способствовали укреплению особой идентичности Донбасса. Маркером значимых изменений в Донбассе стало проведение 27 марта 1994 г. в Донецкой и Луганской областях консультативных референдумов одновременно с общеукраинским голосованием на парламентских выборах. В Донецкой области избирателям были заданы вопросы о закреплении в конституции Украины федеративно-земельного устройства, придании русскому языку статуса второго государственного языка, об участии Украины в существующих форматах межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве (власти Луганской области не решились включить в бюллетени вопрос о переходе Украины к федеративному устройству). На все вопросы избиратели Донбасса дали положительные ответы с перевесом от 79 до 90 % голосов [Flynn 1996]¹.

Референдумы 1994 г. в Донбассе способствовали электоральному успеху Л.Д. Кучмы, который, однако, после вступления в должность президента Украины предпринял усилия в направлении значительно большей централизации политической власти при одновременном усилении позиций олигархических групп на региональном уровне. Сам режим Кучмы можно рассматривать как вариант неопатримониальной системы организации власти [Fisun, Movchan 2023], основой которой служила негласная коалиция нескольких олигархических групп (прежде всего днепропетровских и донецких), а президент Украины выступал в роли неформального арбитра. Западные регионы Украины, оказавшиеся на периферии системы доступа к ресурсам и их перераспределения, получили своеобразную «компенсацию» через фактическое признание их лидирующей роли в этноцентричной политике идентичности. То обстоятельство, что Л.Д. Кучма и глава его администрации (в 1996–2003 гг. — советник) Д.В. Табачник стремились сдерживать наиболее деструктивные проявления этнонационализма, породило своеобразный эффект, когда представители Западной Украины, задавая основной вектор образовательной и культурной политики, одновременно рассматривали себя в качестве оппозиции президентской власти, якобы идущей на слишком значительные уступки в пользу русскоязычного электората.

Хотя режим Кучмы приложил значительные усилия для ограничения инициативы общественных сил Донбасса и обеспечения лояльности Донецкой и Луганской областей Киеву, именно с середины 1990-х гг. закрепилось представление о политической и идентитарной биполярности Украины, где полюсами противостояния оказываются Донбасс и Галичина. При всей условности противопоставления «двух полюсов» (в территориальном отношении Украина

¹ См.: *Маковцев А.* Донбасс — предпосылки и предыстория народных республик // РЕГNUM, 22 марта 2017 г. URL: <https://regnum.ru/article/2252676> (дата обращения: 11.08.2025).

до 2014 г. представляла собой намного более нюансированную картину политических, языковых и культурных предпочтений), эта дивергенция на протяжении 1990 — 2000-х гг. продолжала усиливаться. Вместе с тем наблюдалась и характерная асимметрия между Донбассом и Галичиной, которую фиксировали и социологические замеры (по материалам опросов в Донецке и Львове). Если в крупнейшем центре Галичины доминировала этническая самоидентификация, проецируемая на всю страну, то для жителей Донецка важнейшую и всю более усиливающуюся роль играла территориальная принадлежность. На этом фоне прирост популярности украинской национальной идентичности в Донбассе был незначительным при одновременном, довольно быстром сокращении самоидентификации в качестве советского человека или этнического русского².

Иначе говоря, в условиях нарастающего украинизаторского давления региональная идентичность выступала временным субститутутом русского этнического самосознания, а также заменой самоидентификации, связанной с СССР. Разумеется, никакого сближения с украинством в галицийской версии не происходило, систематической попытки построения украинской политической нации или — в версии А. Степана, представленной после «оранжевой революции» — государства-нации [Stepan 2005], предпринято не было. Если в качестве усилия, направленного на преодоление конфликта идентичностей, рассматривать публикацию книги Л.Д. Кучмы «Украина — не Россия» (2003), то это усилие оказалось явно запоздалым, оно было в меньшей степени ориентировано на внутреннюю аудиторию, поскольку основным адресатом был российский читатель, которого автор стремился убедить в необходимости принятия независимости Украины как исторической неизбежности. Фактически накануне «Оранжевой революции» нарастала внутренняя дивергенция, лишь усиленная нарративом о «двух Украинах» [Рябчук 2003], в котором Донбасс становился объектом стигматизации.

В критический момент событий «Оранжевой революции» обнаружилась высокая степень радикализации довольно разнородных общественных сил Донбасса, которые, однако, проявили готовность к солидарным действиям на основе неприятия идеологии и программы первого Майдана. До этого население Донбасса как электоральный ресурс активно использовалось Партией регионов и КПУ; Ринат Ахметов и другие представители донецкого олигархата могли уверенно заявлять, что их главным активом являются не только производственные мощности, но в первую очередь десятки тысяч работников контролируемых ими предприятий. Однако в ходе экстренно созванного 28 ноября 2004 г. в Северодонецке I Всеукраинского съезда народных депутатов всех уровней оказалось, что многие его участники готовы к более решительным шагам по сравнению с теми, на которые были готовы пойти лидеры Партии регионов. Политическое обособление юго-восточных регионов Украины и другие решения, которые лидерам регионалов виделись в качестве мощного

² Дворников В.Г. Региональная идентичность и её влияние на исторический выбор Донбасса // Профобразование. 16 мая 2024. URL: <https://проф-обп.рф/blog/2024-05-16-2118> (дата обращения: 11.08.2025).

средства давления на их оппонентов из «оранжевого лагеря», могли стать реальностью, имеющей необратимые геополитические последствия. В результате В.Ф. Януковичу пришлось призывать участников съезда к более компромиссной позиции, сохранявшей возможности для продолжения политического торга между Партией регионов и руководством первого Майдана.

Съезд в Северодонецке не привел к отделению Донбасса и других регионов Восточной и Южной Украины, но показал направление сопротивления подъему этнонационализма; среди участников съезда были деятели, десять лет спустя внесшие свой вклад в создание Донецкой и Луганской народных республик. Помимо политико-организационной составляющей сопротивление «Оранжевой революции» значительно усилило идейную борьбу и активность на поле исторической памяти. Особенно значимым для обретения Донбассом мнемонической субъектности было обращение к истории создания Донецко-Криворожской советской республики. Наиболее важный вклад в эту работу внесли ведущие деятели Интердвижения Донбасса братья Дмитрий (1962–2002) и Владимир Корниловы. Последний опубликовал книгу «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» [Корнилов 2011], выход которой снял почти столетнее табу с широкого обсуждения данной темы. Разумеется, дело не ограничилось заполнением одной из лакун в историческом знании. Фактически братья Корниловы сумели сформировать «миф основания» будущих ДНР и ЛНР. Впоследствии, 9 февраля 2015 г., Народный совет ДНР принял меморандум о правопреемственной связи ДКСР и ДНР. Но помимо историко-правовых оснований легитимности ДНР отсылка к ДКСР давала возможность выстроить и достаточно связный нарратив, в котором можно выделить следующие смысловые компоненты:

- самостоятельная государственная традиция, отдельная от тех несоветских проектов государственности Украины, которые выполняют сегодня функцию украинского мифа основания;
- историко-культурная и социально-классовая специфика, определяемая бурной индустриализацией «с нуля» во второй половине XIX в. на фоне незначительного влияния сельской (хуторской) культуры или культуры старых городских центров, опирающихся на традицию магдебургского права;
- интернационализм, предпочтение социальных и территориальных ценностей этническим;
- ориентация на Россию при одновременном отстаивании местных интересов;
- сопротивление иноземному вторжению.

В этом нарративе ликвидация ДКСР рассматривалась в качестве пагубной ошибки Москвы. В то же время в него удачно вписывались последующие события и процессы — трудовой подвиг рабочих Донбасса во время сталинской индустриализации, сопротивление немецко-фашистским захватчикам, послевоенное восстановление, глубокое укоренение советских социокультурных паттернов, стачечное движение во второй половине 1980-х гг., сопротивление этнонационалистическому давлению после обретения Украиной независимости. Одновременно происходил своеобразный апгрейд перечня героев Донбасса, открывали который лидер ДКСР Артем (Ф.А. Сергеев) и другие деятели

этой республики; список продолжали ударники-стахановцы, герои Великой Отечественной войны, молодогвардейцы, советские государственные деятели послевоенного периода (в особенности первый секретарь Донецкого обкома КПУ в 1963–1976 гг. В.И. Дегтерев), воины-интернационалисты и ликвидаторы последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, связанные с Донбассом деятели науки и культуры, получившие общесоюзную известность.

Следует отметить, что некоторые важные компоненты регионального исторического нарратива и символической политики начали формироваться еще ранее, во второй половине 1990-х гг. (более интенсивно — в период, когда Донецкую областную администрацию возглавил В.Ф. Янукович). Фактически это была часть дискурсивного контрнаступления, нацеленного на консолидацию электората Донбасса и всего Юго-Востока Украины. Заметно увеличилось количество публикаций историко-краеведческой направленности, посвященных различным населенным пунктам Донбасса или региону в целом. В плане сохранения топонимического и мемориального наследия предыдущих эпох Донбасс, как и весь Юго-Восток Украины, представлял прямую противоположность западным регионам, где развернулась широкая кампания отказа от типичных советских топонимов, сноса памятников В.И. Ленину и другим деятелям коммунистической эпохи, глорификации ОУН-УПА³, других сил и представителей украинского националистического пантеона.

Реконструкция и возведение новых мемориальных объектов в Донецкой и Луганской областях дополнительно выявили следующие тенденции:

- акцентирование связи с наследием православной духовной культуры, историческими событиями и традицией словесности Древней Руси (памятник Кириллу и Мефодию в Донецке (2011); памятник автору «Слова о полку Игореве» в Луганске (1994); памятник князю Игорю Святославовичу и его дружине близ Станицы Луганской (2003; восстановлен в 2022 г.), откуда по преданию начался его поход против половцев; скульптурная композиция в Донецке, посвященная князю Александру Невскому (2011); памятник Петру и Февронии в Донецке (2013));
- памятование организаторов крупных производств и основателей ряда городов Донбасса во второй половине XIX в. (памятник Д. Юзу (Хьюзу) в Донецке (2001); памятник П.Н. Горлову в Горловке (1999); бюст К. Гаскойна в Луганске (1995); памятник Ф.Е. Енакиеву в Енакиеве (2010); бюст Н.П. Холодилина в Луганске (1996); памятник А.К. Алчевскому в Алчевске (1995));
- демонстрация выдающегося вклада уроженцев Донбасса в науку и культуру имперского и советского периодов (памятник В.И. Далю в Луганске (2010); открытие мемориального музея В.И. Немировича-Данченко в селе Нескучном (1993); открытие музея С.С. Прокофьева в селе Красное (1991); присвоение имени С.С. Прокофьева аэропорту Донецка (2012); памятник М.Л. Матусовскому в Луганске (2007); памятник П.Б. Луспекаеву в образе таможенника Вереща-

³ Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) внесены Минюстом РФ в перечень нацистских организаций. ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

гина в Луганске (2011); памятник А.Б. Соловьяненко в Донецке (2002); памятник И.Д. Кобзону в Донецке (2003);

- установка новых памятников солдатам и полководцам Великой Отечественной войны, почитание памяти жертв преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (памятник жертвам Холокоста в Донецке (2006); памятник Н.Ф. Ватутину в Донецке (2009); памятник жертвам ОУН-УПА⁴ в Луганске (2010));

- памятование жертв политических репрессий (памятник на месте расстрела жертв политического террора 1930—1940-х гг. в Донецке (2005);

- демонстрация уважения к заслугам советских, партийных и хозяйственных деятелей послевоенного периода (памятник В.И. Дегтереву в Донецке (2001); памятник А.З. Астраханю в Донецке (2007)).

На фоне этого далеко не полного перечня актов символической и мемориальной политики, инициированных местными властями и общественными группами, влияние установок, характерных для мнемонической и символической повестки Западной Украины было ограниченным и чаще всего сталкивалось с неприятием гражданского общества. В 2001 г. на фасаде здания филологического факультета Донецкого государственного университета была установлена мемориальная доска учившемуся здесь поэту В.С. Стусу, арестованному в 1972 г. по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде и скончавшемуся в 1985 г. в лагере Пермь-36; в 2012 г. музей Стуса открылся в Донецкой универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской. У многих жителей города памятование Стуса, далеко не относившегося к числу патриотов Донбасса, вызывало отрицательную реакцию. Однако настоящий всплеск протестов вызвала попытка назвать его именем Донецкий национальный университет, основанием для которой послужило обращение группы студентов к президенту Украины В.А. Ющенко. В феврале 2009 г. большинство студентов, а затем и конференция трудового коллектива ДНУ подавляющим большинством голосов (283 из 284) отвергли эту инициативу; Верховная Рада воздержалась от переименования университета своим постановлением⁵. Мемориальная доска была демонтирована в 2015 г., а музей закрыт. В то же время т.н. Донецкому национальному университету в изгнании (он образован с привлечением части сотрудников ДНУ, перебазировавшихся после провозглашения ДНР в Винницу) в 2016 г. все-таки было присвоено имя В. Стуса.

Ведущей тенденцией 2000-х гг. было усиление разногласий между мнемоническими акторами Донбасса и властями в Киеве, в период президентства В.А. Ющенко активно продвигавшими ряд спорных мемориальных инициатив. Установка в ряде городов Донбасса памятников жертвам Голодомора⁶ стала результатом давления со стороны президентской команды (позднее они были

⁴ ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

⁵ Довнар В., Колгушев Я. Имя Василя Стуса останется незамазанным // Коммерсант. 20 февраля 2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1123502> (дата обращения: 11.08.2025).

⁶ Официальная позиция Российской Федерации заключается в том, что Голодомор не является геноцидом украинского народа. Согласно этой трактовке, голод 1932–1933 гг. был общей трагедией для всего многонационального населения СССР.

демонтированы на территориях, перешедших под контроль народных республик). В свою очередь главы областных администраций, напрямую подчиненные президенту, блокировали некоторые местные инициативы, как, например, планы установки в Луганске памятника Екатерине II (показательно, что представители «оранжевой» власти сами охотно участвовали в акциях, связанных с памятью о нероссийских монархах: например, спикер Верховной Рады А.П. Яценюк в 2008 г. заложил камень в основание памятника австрийскому императору Францу-Иосифу в Черновцах [Portnov 2013]). Вместе с тем региональные власти поощряли или скрытно содействовали другим инициативам, которые означали прямой вызов политике памяти Киева. На фоне присвоения президентом Ющенко званий героя Украины Степану Бандере⁷ и Роману Шухевичу явным вызовом стало открытие в Луганске памятника жертвам ОУН-УПА⁸.

При общем консервативном подходе в Донбассе к памятникам советской эпохи некоторые из них претерпели своеобразную «перекодировку». Так, памятник Т.Г. Шевченко, установленный в 1955 г., в первом десятилетии XXI в. стал символическим аттрактором для оппонентов Партии регионов, которые в 2013–2014 гг. пытались организовать вокруг этого памятника донецкий евромайдан; соответственно, памятник В.И. Ленину становился центром притяжения для сторонников КПУ, а также тех жителей города, кто активно выступал за более тесное сближение с Россией. Памятник Ленину также несколько раз становился объектом акций вандалов [Mikheeva 2025]. «Ленинопад» — важная составляющая событийного ряда националистического переворота 2013–2014 гг. — воспринимался в Донбассе особенно обостренно, поскольку указывал на неизбежность насильственной перекройки чуждыми региону силами не только привычного символического ландшафта, но и самой региональной идентичности.

В целом есть достаточно оснований для вывода о том, что еще накануне событий 2014 г., в период контроля Донбасса со стороны Партии регионов, происходила не только консолидация региональной идентичности, во многом усиленная необходимостью противостояния этнонационалистическому натиску, но также и обретение Донбассом мнемонической субъектности. Утвердившийся исторический нарратив и соответствующая ему символическая политика не были антиукраинскими, но история Украины (особенно в ее националистической версии) оказалась востребованной лишь в незначительной степени, главным образом под давлением киевских властей. Исторический нарратив Донбасса в основной своей части опирался на восприятие и приспособление исторического наследия Российской империи и особенно Советского Союза.

⁷ Официальная позиция МИД РФ состоит в том, что фигура Степана Бандеры признается нацистом и военным преступником. В частности, официальный представитель МИД России Мария Захарова прокомментировала архивный документ ЦРУ о Степане Бандере: «Украинский фашист и профессиональный агент Гитлера»: в МИД России оценили архивный документ ЦРУ о Бандере // RT на русском. 24.01.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/711231-cru-arhiv-bandera-posobnik-gitler?ysclid=mqnvh40vhp123579121> (дата обращения: 11.08.2025).

⁸ ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

Создание народных республик в Донбассе означало как разрыв с режимом в Киеве, утвердившимся после победы Евромайдана, так и смену власти на части территорий Донецкой и Луганской областей, где прежде господствовала Партия регионов. Однако в плане политики памяти сохранилась высокая степень преемственности; скорее, можно говорить об интенсификации и радикализации политики памяти, отказе от уступок в пользу националистической версии украинского исторического нарратива. А. Воронович, сравнивая политики идентичности и исторической памяти в республиках Донбасса и Приднестровской Молдавской Республике использовал термин «интернационалистский сепаратизм», имея в виду, что эти три непризнанных государственных образования для обоснования собственной легитимности апеллировали к полиэтничности состава своего населения, который является значимой ценностью, противоположной этнонационалистическим установкам «материнских» государств [Voronovici 2020]. При этом в случае республик Донбасса этнические украинцы рассматриваются как полноправная и неотъемлемая часть многонационального народа ДНР и ЛНР, обогащающая его своими культурными традициями. Фактически же на разных этапах существования ДНР и ЛНР в качестве непризнанных государств (2014–2022) имели место неоднократные колебания от акцентированного интернационализма до апелляции к русскому ирредентизму и дискурсу о Новороссии [Бабкина 2020], обусловленные достаточно острой внутривластной борьбой в республиках Донбасса, влиянием российских политических акторов и динамикой противостояния с киевским режимом.

Случай Мариуполя

Ряд особенностей политики памяти в Донбассе целесообразно проследить на примере Мариуполя — второго по численности населения города ДНР, ключевого индустриального и портового центра. Как известно, в 2014 г. властям ДНР не удалось сохранить контроль над городом, после чего вплоть до лета 2022 г. Мариуполь находился в режиме фактической оккупации силовых структур киевского режима и военизированных формирований ультранационалистов. Соответственно, после возвращения Мариуполя в состав ДНР республиканским властям приходится преодолевать наследие действий режима, контролирующего Украину после переворота 2014 г.

Мариуполь под контролем Киева (2014–2022)

Рассмотрение мнемонического ландшафта Мариуполя в период 2014–2022 гг. представляется весьма важным для понимания того, с чем приходится иметь дело руководству ДНР и Москве в плане политики памяти. Следует, прежде всего, учитывать, что в данный период, после утраты контроля постмайданных властей над Донецком, Мариуполь был крупнейшим городским центром Донецкой области Украины, где располагались региональные органы законодательной власти и силовые структуры (Областная государственная администрация в октябре 2014 г.

была перенесена в Краматорск). Через город проходили финансовые потоки, связанные уже не только с бизнес-империей Рината Ахметова и Вадима Новинского, но и с правительством в Киеве. После Минска-2 режим Петра Порошенко предпринял ряд усилий, призванных сделать из Мариуполя своеобразную «витрину» политики украинизации Донбасса. Город, сохранявший характерный облик индустриального центра советской эпохи, но постепенно приходивший в упадок в новые времена украинской независимости, стал после 2014 г. объектом показательной активности властей разного уровня. Обновлялись фасады зданий в центре города, модернизировался городской транспорт, осваивались средства на развитие рекреационных зон. Мариуполь был сильно затронут процессами внутренней миграции, связанными с военными действиями 2014–2015 гг. Вслед за Киевом и крупными областными центрами Украины Мариуполь привлекал к себе значительное количество выходцев из Донецка и других населенных пунктов, сохранявших лояльность постмайданной власти. Это обстоятельство способствовало расширению емкости местного рынка труда, некоторому росту предпринимательской активности и развитию культурных инициатив проукраинской направленности [Balazs 2018]. Последняя тенденция подпитывалась целенаправленной поддержкой со стороны разного рода неправительственных организаций, базирующихся за пределами Донбасса, а также грантами Европейского союза, USAID и других западных структур, осуществлявших политически мотивированное финансирование.

Однако утверждение о том, что в период 2014–2022 гг. Мариуполь находился в «активном поиске своей идентичности» [Zubar, Afanasieva 2023 : 104], представляется лукавством. Если это и был поиск, то лишь в одном направлении, в условиях фактической эксклюзии городского большинства, в мае 2014 г. высказавшегося в поддержку суверенитета ДНР (более 92 % участвовавших в голосовании). По сути, только после 2014 г. началась украинизация городского пространства, остававшегося на протяжении всех предшествующих лет украинской независимости типично советским.

Одним из первых символически значимых шагов стал снос памятника В.И. Ленину в августе 2014 г., осуществленный не на основании официального решения органов власти, а как «инициатива группы неизвестных лиц», после трех неудачных попыток сбросивших памятник с пьедестала под покровом ночи с помощью металлического троса и автомобиля. Можно предположить, что снос памятника по официальному распоряжению властей мог спровоцировать протесты жителей, часть которых несколькими неделями ранее сопротивлялась захвату Мариуполя украинскими вооруженными формированиями. На постаменте снесенного памятника впоследствии появлялись надписи с осуждением действий киевского режима и предсказанием возвращения города под контроль ДНР⁹, причем происходило это на незначительном удалении от места дислокации военизированного формирования ультранационалистов — так

⁹ См.: Гусельников А. «Ленин жив, ушел в ополчение». Вождь пролетариата сделал неожиданное заявление в Мариуполе // URA.RU. 11 июня 2015. URL: <https://ura.news/news/1052211464> (дата обращения: 11.08.2025).

называемого полка «Азов»¹⁰. В свою очередь представители последнего даже без разрешения местных властей установили вместо памятника Ленину памятник князю Святославу (странным образом сохранившему некоторое внешнее сходство с вождем мирового пролетариата), который, однако, был демонтирован при реконструкции площади в 2019 г. Таким образом, «Азов»¹¹ выступил в качестве мнемонического актора, стремящегося навязать свой нарратив всем другим акторам локального пространства памяти. Данные коллизии вполне могут быть интерпретированы как столкновение коллективной памяти и контрпамяти различных групп. Однако это конфликт в острой стадии, исключающий модальность компромисса или некоего мемориального синтеза [Land 2023].

В 2016 г., была предпринята масштабная акция по устранению советского топонимического наследия, объектами которой стали 75 улиц и площадей Мариуполя. Части улиц были возвращены исторические дореволюционные названия; ряд новых названий напоминал о значительной роли греческой общины в жизни города; укрепить украинскую идентичность Мариуполя должны были переименования нескольких улиц в честь таких деятелей культуры как Иван Франко или Михаил Грушевский, которые, очевидно, не вызывали отторжения у коренных жителей города.

Некоторую полифонию в обсуждении проблематики идентичности и историко-культурного наследия Мариуполя должна была обеспечить реализация командой украинских и польских кураторов проекта «Порт культур». Не рассчитывая на успех сугубо украиноцентричного нарратива, участники проекта делали упор на европейскость, мультиэтничность и мультиконфессиональность городской идентичности, по возможности камуфлируя то обстоятельство, что такая идентичность напрямую связана с особым подходом властей Российской империи к развитию этих территорий. Вместе с тем предпринимались усилия противопоставить общепринятой версии основания города в 1780 г. (после переселения в эту местность крымских греков на основании рескрипта Екатерины II) «украиноцентричную» версию, делающую упор на предполагаемом основании в конце XVI в. запорожскими казаками сторожевого поста в устье реки Кальмиус, уничтоженного в 1769 г. в ходе набега крымских татар. В частности, был проведен специальный архитектурный конкурс, подтекстом которого было закрепление украинского исторического приоритета в соответствующей локации современного Мариуполя [Zubar, Afanasieva 2023: 110].

Наиболее значимым шагом украиноцентричной символической политики в Мариуполе стала реконструкция площади Свободы. По сути, это было целенаправленное усилие символически закрепить данное городское пространство в домене той официальной версии украинской национальной памяти [Zubar, Afanasieva 2023: 111], которая утвердилась после переворота 2014 г. В частности, скульптуры 25 голубей выступали визуальными образами не только мирной

¹⁰ Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов») признано в России террористической организацией.

¹¹ Признан в России террористической организацией.

жизни, но и такого же количества регионов Украины (с обязательным включением в это число Крыма, Донецкой и Луганской областей). Ансамбль площади также был «дополнен» памятником жертвам Голодомора 1930-х гг. и памятным знаком в честь украинских военнослужащих, погибших в ходе так называемой Антитеррористической операции в 2014 г. Ежевечерне на площади Свободы организовывалось лазерное шоу, призванное усилить визуальный и эмоциональный эффект преобразования городского пространства.

В целом, однако, изменения периода 2014–2022 гг., носили достаточно поверхностный характер. Большинство местных жителей город воспринимался как мощный индустриальный центр, чье символическое пространство и идентичность сформированы преимущественно в советскую эпоху. Довольно тонкий налет визуальной «украинскости» рассматривался скорее как неизбежная дань политически предписанным правилам игры, в которых приходилось существовать и действовать мариупольцам, особенно с учетом постоянно усиливавшегося присутствия в городе ультранационалистических групп и вооруженных формирований.

Мариуполь в составе ДНР и России

Кровопролитные и разрушительные военные действия на территории Мариуполя весной 2022 г., завершившиеся изгнанием из города вооруженных формирований киевского режима, восстановлением контроля властей ДНР, а с 30 сентября 2022 г. — вхождением Мариуполя вместе со всей ДНР в состав России, стали рубежом и с точки зрения политики памяти. Первые изменения были связаны с новой символикой специальной военной операции: еще в начале мая 2022 г., когда в городе продолжались боевые действия в районе «Азовстали», на площади Ленинского комсомола в присутствии заместителя главы администрации Президента РФ С.В. Кириенко был установлен памятник «бабушке с красным флагом». Как известно, фактологической основой этого нового символа стал эпизод начала апреля 2022 г., когда пожилая жительница харьковского пригорода Анна Иванова вышла с флагом СССР навстречу группе военнослужащих, полагая, что это российские солдаты. На деле это были солдаты ВСУ, один из которых вырвал из рук женщины флаг и растоптал его. В ответ Анна Иванова отвергла предложение визитеров оставить ей продукты. Позднее украинские пропагандисты, пользуясь тем, что женщина находится на подконтрольной киевскому режиму территории и на нее оказывается мощное психологическое давление, отсняли с ее участием ряд материалов, призванных девальвировать символическую значимость ее поступка. Тем не менее посвященные этому событию муралы и памятники появились в ДНР, ЛНР, Крыму и ряде российских регионов, акцентируя поколенческую связь между борьбой СССР с фашизмом и миссией СВО.

В Мариуполе, как и во всех населенных пунктах, возвращающихся под контроль ДНР, были обнулены все действия периода 2014–2022 гг. по изменению топонимики. В частности, площади Свободы было возвращено имя Ленина, присвоенное в советские времена. Данный подход постулирует неправомерность решений украинских органов власти, сформированных после

переворота 2014 г., но при этом сохраняет возможность для последующих изменений топонимики. На деле реализация данного подхода зачастую выглядит как ресоветизация, дополняемая в ряде мест восстановлением памятников коммунистическим вождям. Этот эффект традиционно эксплуатируется украинской пропагандой, но он нередко порождает критические высказывания и в самих республиках Донбасса. Так, возвращение площади Свободы имени Ленина вызывало отторжение у тех сторонников интеграции в состав России, кто отрицательно относится к коммунистической идеологии и к той роли, которую сыграло большевистское руководство в распространении украинского политико-административного контроля на территорию Донбасса¹².

Эффективная интеграция Мариуполя в смысловое и символическое пространство России началась с устранения или преобразования тех политически индуцированных новаций в облике города, которые были осуществлены при режимах Порошенко и Зеленского. Уже в 2022 г. произведена реконструкция площади Ленина, в ходе которой были демонтированы памятник жертвам Голодомора, памятный знак в честь украинских военнослужащих, погибших в 2014 г., и некоторые другие архитектурно-художественные элементы. Центральное положение в реконструированном ансамбле площади занял установленный в сентябре 2022 г. памятник князю Александру Невскому, символизирующий традиции воинской славы России и отпора иноземным захватчикам. Установка памятника Александру Невскому фиксировала важную веху в процессе интеграции Мариуполя в сферу исторической памяти, значимой для всей России.

Приоритетное значение для мемориальной и символической политики в Мариуполе, как, впрочем, во всем Донбассе, Запорожской и Херсонской областях, имеет восстановление памятников героям Великой Отечественной войны. Восстановление предполагает не только устранение следов физического ущерба, связанного с боевыми действиями, но и возвращение к исходному облику соответствующих памятников, то есть устранение «поправок», внесенных в их облик после обретения Украиной независимости и особенно после переворота 2014 г. В ряде случаев это означало возвращение первоначальных версий надписей на памятниках и памятных знаках. Но иногда (по большей части в Запорожской и Херсонской областях) требовалась более основательная очистка после того, как, например, вне всякой связи с исходным проектом части памятника раскрашивались в желто-голубые цвета украинского флага. Приходилось устранять и следы еще более изощренных действий по смысловой перекодировке военных мемориалов. В частности, к таким действиям относилось размещение на советских военных памятниках символа красного мака, изобретенного украинским Институтом национальной памяти в 2014 г. [Gabowitsch, Homanuyuk 2025: 52–67] Красный мак, символизирующий в Великобритании и странах британского Содружества память о жертвах всех вооруженных конфликтов

¹² Переименование площади Свободы в Мариуполе в площадь Ленина // Мариуполь. 16 июня 2022. URL: <https://mariupol-news.ru/incident/2022/06/16/7434.html> (дата обращения: 11.08.2025).

начиная с Первой мировой войны, в украинской версии был призван вытеснить «пророссийскую» георгиевскую ленту в коммеморативных мероприятиях, подчеркнуть их «проевропейскую» направленность, а также «уравнять» всех павших во Второй мировой войне, независимо от их принадлежности к Красной армии или к бандеровским формированиям.

После возвращения в состав ДНР празднование Дня города, как и до 2014 г., было приурочено к дате освобождения Мариуполя от немецко-фашистских войск. Памятные мероприятия, связанные с чествованием героев Великой Отечественной войны, теперь закономерно распространяются на память о героях ополчения ДНР и освободительной миссии участников СВО.

Важным направлением мемориальной политики становится работа по восстановлению советских монументов, символизирующих трудовую доблесть жителей города — памятников металлургам, сталевару Макару Мазаю и др. Эта активность способствует закреплению городской идентичности, связанной с советской индустриализацией; она также служит идеационным стимулом в деле восстановления и дальнейшей модернизации промышленных предприятий Мариуполя (в частности, металлургического комбината им. Ильича).

Мариуполь стал площадкой крупнейших восстановительных работ, развернутых в условиях продолжающейся СВО. Наряду с прямым контролем федерального центра очень большую роль в восстановлении жилого фонда и памятников архитектуры играет администрация Санкт-Петербурга, который является побратимом Мариуполя. Санкт-Петербург оказывает всестороннюю поддержку в реализации инициатив, связанных с открытием новых памятников, мемориалов и музеев. В их числе — памятник Александру Невскому и установленный в 2025 г. монумент «Мариуполь — город воинской славы». Важно отметить, что монумент «Мариуполь — город воинской славы», включающий в себя стелу и четыре массивные тумбы, в художественной форме представляет актуальный канон истории города со второй половины XVIII в. вплоть до наших дней:

«Мариуполь основали православные греки-переселенцы из Крыма. Это отражает барельеф с медалью императрицы Екатерины II и фрагментом ее жалованной грамоты. Пять барельефов отражают события XIX в.: создание Азовского казачьего войска, Крымскую войну 1853–1856 гг., восстановление Мариупольского уезда Александром II, открытие железной дороги и порта, создание крупных металлургических производств. XX век запечатлен в шести барельефах, особое внимание уделено Великой Отечественной войне: антифашистскому подполью, освобождению и восстановлению города. Еще четыре барельефа — о современности. Они посвящены акциям протеста 2014-го, противостоянию 9 мая того же года, вхождению ДНР в состав РФ, а также освобождению города российскими силами»¹³.

В целом опыт изменений мнемонического ландшафта в Мариуполе показывает, что ДНР и ЛНР могут рассматриваться как своеобразный полигон политики

¹³ Гаврилюк С. Пушилин и Беглов открыли стелу в честь города воинской славы Мариуполя // ТАСС. 02 мая 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23841589> (дата обращения: 11.08.2025).

памяти, где может быть реализован широкий спектр различных инициатив. В городском и региональном нарративе о советском прошлом «проявляется» разнообразный тематический репертуар, включая темы, считавшиеся «неудобными» со времен хрущевской оттепели или горбачевской перестройки. Они оказываются вписанными в исторический макронарратив, представляющий Мариуполь и Донбасс в континууме и внутренней взаимосвязанности имперской, советской и постсоветской истории. В нем практически не остается места украинской истории, но лишь потому, что ее официальный канон строится на другом нарративе, нацеленном на отчуждение от российской / советской истории.

Заключение: политика памяти в Донбассе — история с продолжением

Украина и исторический нарратив, продвигаемый украинским этнонационализмом, внесли решающий вклад в обретение Донбассом своей мнемонической субъектности. Отказ Киева и Западной Украины от модели «государствование» не оставил Донбассу другого выбора, как форсировать консолидацию региональной идентичности, в том числе средствами символической политики и политики памяти. Внешнее (российское) влияние, не рассматриваемое в данной статье, содействовало этому процессу, но не могло быть его драйвером. В результате еще до подъема движения Антимайдана и провозглашения независимости народных республик сформировался исторический нарратив, в основном сохраняющий свое конституирующее значение для политики памяти в ДНР и ЛНР. Будучи вполне комплиментарным в отношении украинской культуры, он выступает антагонистом украинского этнонационалистического нарратива, а память о военных событиях начиная с 2014 г. определяет в нем репрезентацию украинской государственности. Однако определяющей характеристикой исторического нарратива и политики памяти в ДНР и ЛНР является связь с Россией, как историческая, так и современная, достигнутая высокой ценой воинского подвига и трагедии гражданского населения, оказавшегося в зоне военных действий. После вхождения ДНР и ЛНР в состав России на правах субъектов федерации, региональные политики памяти становятся частью общероссийской мнемонической политики, сохраняя при этом свои особенности и сравнительно высокую степень вариативности конкретных решений и акций. В определенном смысле именно в Донбассе (а также в Крыму, Запорожской и Херсонской областях) проходят обкатку новые инициативы, часть которых в дальнейшем может быть подхвачена в других российских регионах и на федеральном уровне. Продолжает формироваться новый мощный пласт исторической памяти, работа с которым будет иметь очень большое значение для российского общества и государства в ближайшем будущем и в среднесрочной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Бабкина Е.А. Идеология «Новороссии» в контексте исторической политики самопровозглашенных республик Донбасса // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 591–609.
- Грицак Я. *Історія двох міст: Львів і Донецьк у порівняльній перспективі* // *Ukraina Moderna*. 2007. Vol. 11. No. 1. P. 27–60. <https://doi.org/10.3138/ukrainamoderna.11.027>
- Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественных трансформаций // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. №4. С. 38–51.
- Корнилов В.В. *Донецко-Криворожская республика*. Харьков: Фолио, 2011. 603 с.
- Рябчук М. *Дві України: реальні межі, віртуальні війни*. Київ: Критика, 2003. 336 с.
- Arel D., Driscoll J. *Ukraine's Unnamed War: Before the Russian Invasion of 2022*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 273 p.
- Balazs A. Conflict and Reviv: Urban Transformation in Mariupol After 2014 // *Вісник Мариупольського державного університету*. Серія: Філософія, культурологія, соціологія. 2018. Вип. 15. С. 102–106. <https://doi.org/10.3167/fcl.2023.960103>
- Fisun O., Movchan U. Regime Cycles and Neopatrimonialism in Ukraine // *Ukraine's Patronal Democracy and the Russian Invasion: The Russia-Ukraine War. Volume One* / B. Madlovics, B. Magyar (eds.). New York : Central European University Press, 2023. P. 119–140
- Flynn M.K. Political Mobilization in Eastern Ukraine: The Referendum of 1994 in the Donetsk oblast // *The European Legacy*. 1996. Vol. 1. P. 342–349. <https://doi.org/10.1080/10848779608579417>
- Gabowitsch M. Homanyuk M. *Monuments and Territory. War Memorials in Russian-Occupied Ukraine*. Budapest — Vienna — New York: Central European University Press, 2025. 224 p.
- Gritsak Ya. History of Two Cities: Lviv and Donetsk in Comparable Perspective // *Ukraina Moderna*. 2007. Vol. 11, no. 1. P. 27–60. (In Ukrainian). <https://doi.org/10.3138/ukrainamoderna.11.027>
- Hagen M. von. Does Ukraine Have a History? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, no. 3. P. 658–673.
- Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 357 p.
- Land J. Synthesizing Collective Memory and Counter-Memory in Urban Space // *Urban Geography*. 2023. Vol. 44, No. 5. P. 1011–1020. <https://doi.org/10.1080/02723638.2023.2205261>
- Mikheeva O. Memorial Practices in Donetsk. From the Establishment of Soviet Power to a Full-Scale Russian Invasion of Ukraine from 2022 // *Education and the Politics of Memory in Russia and Eastern Europe* / S. Rumyantsev (ed.). London : Routledge, 2025. P. 225–245.
- Petro N.N. *The Tragedy of Ukraine. What Classical Greek Tragedy Can Teach Us About Conflict Resolution*. Berlin: De Gruyter, 2023, xvii + 285pp.
- Portnov A. Memory Wars in Post-Soviet Ukraine // *Memory and Theory in Eastern Europe* / U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor (eds.). New York-Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 233–254.
- Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*. 2005. No 4. P. 279–308. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2005.12049783>
- Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67, no. 3. P. 288–302. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>
- Zubar M., Afanasieva N. The Voids of Mariupol's Memory // *Text and Image: Essential Problems in Art History*. 2023. Vol. 2 (16). P. 103–120. <https://doi.org/10.17721/2519-4801.2023.2.07>

Сведения об авторе:

Ефременко Дмитрий Валерьевич — доктор политических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: efdv2015@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6988-472X)